

Л. Я. Мещерякова

Тверь

**ЖИТИЙНЫЕ ТЕКСТЫ В КРУГЕ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ:
«ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО»
(материалы в помощь учителю)**

Современная филологическая наука предлагает множество трактовок понятия «текст». В лингвистике он чаще всего рассматривается как один из способов коммуникации. Данный подход созвучен представлению о тексте в филологической герменевтике, объектом которой является понимание вербального текста как активный процесс мыследеятельности.

Основоположник Тверской герменевтической школы Г. И. Богин (1929-2001), рассматривая тексты разных типов, выделял в особую группу тексты художественные как предусматривающие распремечивающее понимание. По Г. И. Богину, распремечивающее понимание обращено на передачу идеальных субъектно-ценностных реальностей от одного человека к другому, в отличие от семантизирующего понимания, направленного на понимание значения слова, словосочетания или предложения, и когнитивного понимания, определяемого как понимание явлений за счет соотнесения образов знаковых ситуаций с образами реальных ситуаций¹. Иными словами, распремечивающее понимание есть усмотрение смыслов текста. Вслед за Г. П. Щедровицким мы определяем смысл как «конфигурацию связей и отношений в ситуации деятельности и коммуникации»². Смыслы категоризуются в метасмыслы и, в конечном итоге, в экзистенциальные смыслы («жизнь», «смерть», «любовь», «Бог», «добро», «зло», «свобода», «истина», «счастье» и др.).

Художественный текст Г. И. Богин определял как текст, оптимально пробуждающий рефлексию, то есть «установление связи между извлекаемым прошлым опытом и той ситуацией, которая представлена в тексте как предмет для освоения»³. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что рефлексия является основой любой осмысленной деятельности. Следовательно, художественный текст (как текст, оптимально пробуждающий рефлексию) является чрезвычайно важным элементом обучения и воспитания.

В то же время существует ряд текстов, статус которых не является вполне определенным. К ним можно отнести тексты житийной, или агио-

¹ Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин, 1986. С. 58.

² Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С.562.

³ Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. С.16.

графической, литературы. С одной стороны, по формальным признакам многие из этих текстов следует обозначить как художественные. С другой стороны, эти тексты не создавались как художественные, то есть эстетическая и экспрессивная функции не являются главными для них.

По мнению выдающегося русского филолога Н. С. Трубецкого (1890 – 1938), написание биографий святых ставит перед автором три основных задачи: 1) описать события жизни святого – задача биографическая; 2) выделить в жизни святого аспект поучения – задача дидактическая; 3) акцентировать внимание на аспекте святости – задача панегирическая⁴. Реализация второй задачи подразумевает трансляцию *нравственных ценностей* через текстовые смыслы.

Дидактический и панегирический аспекты житийного текста требуют использования особых стилистических средств, характерных для текстов художественной литературы. Одним из таких средств является метафоризация, использование которой получило широкое распространение в связи с формированием стиля «плетения словес». Этот стиль – интересное явление в истории словесности, в частности русской. Среди наиболее ярких примеров использования этого стиля можно выделить «Житие Сергия Радонежского», которое традиционно входило в круг детского чтения. Поэтому, приступая к работе с текстом данного жития в детской аудитории, учитель должен иметь представление о специфике зарождения и развития этого стиля, а также его художественном потенциале.

Кратко опишем историко-культурную ситуацию, которая сложилась на Руси до момента возникновения интересующего нас стиля, в период его формирования и расцвета.

Традиционно XIV век в культуре Руси считается переломным. Это время, когда произошла трансформация преобладавшей в раннем средневековье системы ценностных ориентаций. Книга как таковая перестает мыслиться священной, то есть перестает восприниматься как богоданная производная от Библии, но превращается, безусловно, в феномен материальной культуры. Ценится она уже не по степени содействия *спасению*, а по практической полезности (научной, эстетической и т. д.). Вместе с тем «тема человека в его социокультурной и исторической целостности, значимости и своеобразии стала основной, сквозной темой книжной поры, заместив былой интерес к «монументальным» проблемам исторического самосознания Руси, апологии первых русских святых, православной догматики... и т. д.»⁵. Наряду с теоцентричной культурой начала проявляться культура антропоцентричная. Существенные изменения, которые произошли в системе ценностных ориентаций и философии творчества, при-

⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. Сост. В. М. Живова. М., 1995. С. 6.

⁵ Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. Минск, 2001. С.195.

вели к возникновению в XV веке собственно беллетристики – произведений, которые в эпоху Ивана Грозного будут запрещены как «неполезные повести».

В XIV веке Русь все еще находилась под тяжестью монголо-татарского ига, была истерзана междоусобными княжескими войнами. Налицо был кризис системы феодальной раздробленности. Это, безусловно, тормозило культурное развитие Руси. Однако данные обстоятельства явились мощным фактором развития не только национального самосознания, но и осознания ценности личности как таковой. «Кризис системы феодальной раздробленности, при которой ценность человеческой личности определялась только ее внешним положением на лестнице феодальной зависимости, привел к осознанию *ценности личности* самой по себе, ее внутренних переживаний, правда, еще в рамках строго религиозного сознания»⁶.

Итак, мы кратко охарактеризовали культурно-историческую ситуацию на Руси, которая предшествовала возникновению стиля «плетения словес».

Само зарождение данного стиля (конец XIV века) ученые связывают с двумя феноменами – афонским исихазмом и так называемым вторым южнославянским влиянием (Евфимиева книжная реформа церковной словесности) (конец XIV – начало XV вв.).

В нашу задачу не входит описание сущности исихастского учения, так как эта проблема, безусловно, лежит в области богословия. Укажем только, каким образом она связана с интересующей нас темой.

Глава афонского исихазма – св. Григорий Палама – синтезировал богословские мнения предшествовавших ему отцов и писателей Церкви, определенно поставил вопрос о богоподобии в связь с темой о творческом даре человека. Понятие творчества у Паламы многосоставно. Во-первых, это творчество своего жизненного пути по своей свободной воле в совершенном согласии с волей божественной; во-вторых, творчество – стремление к святости: в добровольном подчинении высшей творческой промыслительной воле свободно осуществить в творчестве свое наиболее полное нравственное совершенство, усовершенствовать других. В-третьих, творчество в области красоты и разума (художественное творчество): человек творит духовные ценности, при этом он выходит из рамок этого мира, чтобы создать иной, духовный мир, который не подчиняется законам необходимости. Это творчество выше науки и наукообразности. Оно стремится выйти из круга законов логики и природы. Таким образом, «творчество есть совместное с Богом действие человеческого духа... Творчество... единый и целостный дар (и вместе с тем – послушание): правильное исполнение своего жизненного пути невозможно без стремления к свято-

⁶ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 52.

сти...без созидания духовных ценностей, без художественного творчества... Св. Григорий Палама фактически вернул христианскую культуру к ее истоку – культу, обосновав и утвердив неэксплицированный ранее **канон** церковного художества»⁷.

К концу XIV века Русь постепенно выходит из культурной изоляции. В XIV веке Болгария и Сербия переживают период политического и культурного расцвета. Развитию литературы в этот период способствовала реформа в области книжности, проведенная патриархом Тырновским Евфимием. Книжная реформа была непосредственно связана с исихастским учением. Она коснулась принципов перевода на славянский язык греческих текстов. Было выдвинуто требование неукоснительного следования греческому образцу. Большое внимание уделялось форме: особенностям графики, написанию. Евфимий и его ученики полагали, что слово неразрывно связано с сущностью называемого предмета, явления. Понять предмет – значит правильно его назвать, каждая буква при этом имеет определенное значение, ее изменение меняет смысл слова. Одновременно возвышенный древнеславянский язык противопоставлялся живой разговорной речи. Евфимий и его ученики сделали новые переводы текстов «писания» и создали *агиографические произведения*, которые превратились в *торжественные панегирики*. Поэтому долгое время считалось, что новый художественный стиль был перенесен на Русь выходцами из южнославянских стран: митрополитом Киприаном, Григорием Цамблаком, Пахомием Сербом и отчасти русскими книжниками, побывавшими в центрах культурного развития славян (Константинополь, Афон, болгарские монастыри) и усвоившими этот стиль от болгар, сербов, греков. Однако мы не зря упоминали тот факт, что в XIV веке произошла смена ценностных ориентаций, которая и породила данный стиль. По мнению авторитетнейшего медиевиста Д. С. Лихачева, изменения в мировоззрении, породившие стиль «плетения словес», были равно свойственны всем восточнославянским народам. Именно на Руси стиль нашел свое наивысшее проявление в *оригинальном* (а не подражательном, как считалось ранее) творчестве Епифания Премудрого. Далее стиль «плетение словес» развивал в своем творчестве Пахомий Серб, прозванный за свое искусство Логофетом, то есть Словоположником (нач. XV в. – ум. после 1484 г.). Пахомий Серб – первый профессиональный книжник, признававший себя таковым. Пахомий работал на заказ и получал за свою работу оплату. Данный факт, по мнению ученых, также можно рассматривать как смену ценностных ориентаций: творчество уже не рассматривается только как богодухновенное, а уподобляется ремеслу. По верному замечанию медиевиста Л. В. Левшун, «жития, написанные Пахомием, богаты легендарным историко-литературным и исто-

⁷ Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. Минск, 2001. С. 209.

рическим материалом, а потому представляют большой интерес не только для историков книжности, но и для собственно историков. Новым элементом, привнесенным Пахомием в русскую агиографию, является пейзаж, оцениваемый автором *чисто эстетически*⁸.

Таким образом, восточнославянская культура XIV-XV вв. ориентировалась на культуру Киевской Руси, что является определяющим для рассматриваемой эпохи. «Через голову своих непосредственных предшественников Епифаний Премудрый обращается к традициям Киевской Руси времен ее расцвета. Иларион и Кирилл Туровский – два писателя, ораторские приемы которых сказываются в произведениях Епифания, не столько в механических заимствованиях из них, сколько в самой системе использования символов и искусстве построения речи»⁹. Однако в житиях, созданных Епифанием, мы находим и новые черты, не свойственные агиографическим произведениям времен Киевской Руси. Это обстоятельство связано с уже упоминаемым нами изменением в мировоззрении. Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что «новая культура вторична и риторична по отношению к древней, ... **подражает** той в доступных формах. И такое подражание типологически подобно подражанию античной культуре западноевропейского Предренессанса и Ренессанса»¹⁰. Д. С. Лихачев называет эту культурную ситуацию на Руси эпохой Предвозрождения. По наблюдениям исследователей, причиной того, что русское Предвозрождение не переросло в Ренессанс, является влияние исихазма.

Итак, с одной стороны, проблема возникновения стиля «плетения словес» довольно подробно изучена отечественными и зарубежными учеными. С другой стороны, в настоящее время не существует единой точки зрения по ряду вопросов, связанных с функционированием этого стиля. В частности, невыясненным остается вопрос о том, является ли «плетение словес» чисто орнаментальным приемом или оно выступает как средство создания художественности в тексте.

Сторонники первой точки зрения говорят о том, что с появлением стиля «плетения словес» происходит вытеснение «**канона**» этикетом. Этикет предписывает соблюдать общепринятую форму изложения, в результате чего сущностные характеристики заменяются формально-функциональными. Этикет отличается от **канона** рассудочностью и формализмом. Происходит формализация приемов и принципов построения произведений, причем само внутреннее содержание (идея) уже не понимается. Канон требует духовной зоркости и чуткости, этикет – здравого смысла и художественного вкуса¹¹. Многие ученые объясняют данные процессы стрем-

⁸ Там же. С.233.

⁹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С.48.

¹⁰ Левшун Л. В. Указ. соч. С.234.

¹¹ Левшун Л. В. Указ. соч. С.223-224.

лением сохранить традиции словесного искусства в тяжелых условиях татарского нашествия и междоусобных распрей. Однако сохранение происходит часто лишь механическим путем: через непрерывное ведение летописания, составление новых сводов из старых летописей, создание новых редакций старых произведений, умножение копий и т. д. Д. С. Лихачев определяет этот процесс как формализацию, «застывание в декоративности и повторяющихся **формальных приемах**»¹². Сам же стиль исследователь называет *вторичным*. Появление стиля свидетельствует об изменении мышления и творчества восточнославянского книжника (их секуляризации). Измененное мышление мешает понять истинный смысл произведения, его замысел, поэтому в большей степени воспринимается и узаконивается **форма выражения** недоступного смысла. Художественное высказывание формализуется, в каком-то смысле сводится к сумме удачно подобранных форм. «Неуверенность в выборе нужного слова заставляет писателя привести как можно больше наименований описываемого объекта...»¹³. Такое нагромождение слов, по мысли Д. С. Лихачева, как правило, не столько проясняет смысл, сколько затемняет его: описываемая действительность не столько объясняется... сколько абстрагируется и мистифицируется.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой «плетение словес» не является чисто орнаментальным приемом. В частности, Е. Л. Конявская подчеркивает, что с помощью этого приема автор житийного текста пытается «не только полно и адекватно представить жизнь и подвиг святого, но и найти нужное *слово*, имя, определить его «место» в сонме святых и их подвигов, по достоинству «сплести» ему хвалу»¹⁴. Иными словами, представители данного подхода считают «**плетение словес**» средством **опредмечивания смыслов** текста. Акцент при этом делается на наличии авторской оценки, так называемого авторского самосознания, заложенного в текстах. Поиск нужного слова не является самодеятельным процессом, а завершается нахождением точного слова. «...Нет сомнения, что многословие, «перебирание» семантически близких слов означают не просто блуждание вокруг сути, а являются поиском истинного *Слова*, имманентного существу»¹⁵. По мнению исследователей, поиск *слова-имени* никогда не теряет содержательной цели. Агиограф многословен, однако перечисления не синонимичны, они дают возможность увидеть многогранность объекта, подчеркнуть какую-либо из его характеристик.

¹² Лихачев Д. С. Указ. соч. С.210.

¹³ Левшун Л. В. Указ. соч. С.225.

¹⁴ Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника. М., 2000. С.171.

¹⁵ Там же. С.163.

Здесь вполне уместно сделать небольшое отступление и описать еще одно важное свойство стиля «плетения словес» – психологизм. По наблюдениям исследователей, изложение в стиле «плетения словес», который называют еще и *эмоционально-экспрессивным*, «отличается до экзальтации повышенной эмоциональностью, экспрессией, сочетающейся с абстрагированием, отвлеченностью чувств, приложенной к отвлеченности богословской мысли»¹⁶. Литература этого времени «проникнута психологизмом: она описывает психологические состояния, главным образом чувства героя, стремится возбудить чувства читателя и говорит в первом лице о чувствах самого автора. Чувства героя, читателя и автора возбуждены до предела, экзотические состояния сменяют друг друга почти непрерывно, чувства ничем не сдерживаются и проявляются с необыкновенной динамичностью, психологические мотивировки поступков и событий проведены с полной прямолинейностью»¹⁷. По верному замечанию Л. В. Левшун, эстетизм, нацеленный воздействовать на художественный вкус читателя, начинает рассматриваться как критерий художественности. Это замечание относится к XVII веку – эпохе зарождения собственно литературы, или, как ее принято называть, «литературы Нового времени». Однако некоторые элементы литературы «нового типа» начинают проявляться гораздо раньше, в частности в XIV-XV вв.

Итак, мы описали два подхода в отношении понимания стиля «плетения словес» как факта в книжной культуре XIV-XV вв. На наш взгляд, оба эти подхода отличаются достаточно глубоким проникновением в суть анализируемого явления. Однако нам представляется, что ни тот, ни другой не является исчерпывающим, поскольку «плетение словес» – явление многогранное и служит средством создания как художественности, так и орнаментальности в тексте. В этой связи мы считаем возможным построение типологии лингвистических средств, характерных для рассматриваемого стиля, с точки зрения их использования соответственно в орнаментальной или художественной функции. Стиль «плетения словес» достаточно хорошо изучен, и основные его свойства не раз описывались в научной литературе. В то же время попытка систематизации этих средств по указанным критериям предпринимается впервые.

Понятия «художественность» и «орнаментальность» мы будем рассматривать в русле Тверской герменевтической школы. Художественность, вслед за Г. И. Богиним, определяется как «оптимум пробуждения и фиксации рефлексии»¹⁸. Н. Л. Галеева отмечает в этой связи, что основное свойство текста, содержащего параметр «художественности», – это «спо-

¹⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Богин Г. И. Субстанциальная сторона понимания текста: Учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. С.8.

способность обогатить духовное пространство человека и культуры в целом»¹⁹. Следовательно, «текст, содержащий параметр художественности, пробуждает рефлексию, приводящую к образованию некоторого пространства понимания, где рефлексия фиксируется в виде духовных сущностей – смыслов и идей, которые в свою очередь способны обогатить духовное пространство человека»²⁰. Духовное пространство рассматривается как «совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов»²¹. Оно «открыто для модификации и обогащения путем включения новых смыслов, идей...»²². Пространство понимания трактуется как одна из ипостасей духовного пространства (в данном случае оно задается художественным текстом). Согласно Н. Л. Галеевой, «духовные ценности, прежде чем войти в состав духовного пространства, осваиваются пониманием; с этой точки зрения духовное пространство и пространство понимания переываются друг через друга. Пространство понимания художественного текста задается его сущностными параметрами»²³.

Из данного определения художественности следует, что понимание художественного текста является ключевым средством обогащения духовного пространства человека.

«Орнаментальность» рассматривается нами как использование традиционных средств создания художественных эффектов ради самой формы, то есть без учета содержательной стороны.

Таким образом, сторонники первого из рассмотренных нами подходов утверждают, что основной функцией «плетения словес» является орнаментальность, в то время как сторонники второго подхода говорят о том, что использование элементов этого стиля является одним из средств, ведущих к пониманию смыслов текста, то есть средством создания художественности.

Для иллюстрации особенностей функционирования стиля «плетения словес» мы выбрали два фрагмента из сочинений Епифания Премудрого, одного из самых ярких представителей (а по некоторым версиям – основоположника) рассматриваемого стиля.

Первый отрывок является яркой иллюстрацией орнаментальности текста (фрагмент из «Жития Сергия Радонежского» (1418 г.)):

«Ведь о добродетели рассказ может многих умилишь, словно жалом уязвить душу и к Богу чистой жизнью подвигнуть. Так и он привел к Богу

¹⁹ Галеева Н. Л. Параметры художественного текста и перевод: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.8.

²⁰ Там же. С.8-9.

²¹ Там же. С.9.

²² Там же.

²³ Там же.

многие души своей чистотой и непорочной жизнью, преподобный игумен отец наш святой Сергей: старец чудесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласый и мягкий, милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; он был отцам отец и учителям учитель, предводитель вождям, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала, молчальникам поддержка, иереям красота, священникам благолепие, настоящий вождь и неложный учитель, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник, умный правитель, всеблагой руководитель, истинный кормчий, заботливый врач, прекрасный заступник, священный очиститель, создатель общежительства, милостыню подающий, трудолюбивый подвижник, в молитвах крепкий, и чистоты хранитель, целомудрия образец и столп терпения...»²⁴.

В данном фрагменте мы наблюдаем многократное использование различных средств метафоризации. Однако если рассматривать их соотносительность со смысловой структурой текста, мы увидим, что единственным смыслом, опредмечиванием которого они могут служить, является восхваление святого. Более того, специфика житийного текста состоит в том, что многие из его элементов являются каноническими, то есть требуемыми канонами в качестве обязательных элементов. В данном случае восхваление святого является одним из таких обязательных элементов *содержания* текста и смыслом не является. Следовательно, метафорические средства, используемые в приведенном фрагменте, имеют чисто орнаментальную функцию.

В то же время в житийных текстах, написанных в стиле «плетения словес», метафоризация порой выступает как средство опредмечивания смыслов. В качестве примера приведем следующий фрагмент:

«Младенец же, о котором идет речь, о котором начинается рассказ, после крещения через несколько месяцев был вскормлен по закону природы, и от груди матери его отняли, и развернули из пеленок, и из колыбели вынули. Рос ребенок в следующие годы, как и полагается в этом возрасте, мужала его душа, и тело, и дух, наполнялся он разумом и страхом Божиим, и милость Божья была с ним...»²⁵.

В приведенном фрагменте параллельные конструкции, свойственные стилю плетения словес, являются средствами опредмечивания смысла «человечность святого», контрастирующего с восхвалениями, которыми изобилует текст жития. В этом фрагменте, в сущности, показано, что младе-

²⁴ Житие Сергия Радонежского Перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина / Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М, 1981. С. 410-411.

²⁵ Там же. С.279.

нец Варфоломей, будущий святой, несмотря на свою избранность, о которой его мать знала еще до его рождения, переживал в своей жизни те же перемены, какие переживает каждый человек. Таким образом, текст пробуждает рефлексию читателя над его собственным опытом, и читатель благодаря этому приему может понять святого как человека живого, некогда реально существовавшего, чувствовавшего, переживавшего, постигавшего премудрость Божию. Этот смысл не является распространенным в агиографических текстах, и его, на наш взгляд, можно считать находкой Епифания Премудрого.

С начала 1990-х годов житийные тексты возвращаются в круг чтения современного читателя. В настоящий момент дискуссионным является вопрос о том, *как* эти тексты должны преподноситься читателю (должны ли они адаптироваться и в какой степени; как интерпретировать те или иные аспекты житийного текста в учебной ситуации и т. д.). Приведенные выше особенности стиля «плетения словес», как нам представляется, указывают на необходимость серьезного изучения его художественного потенциала как средства трансляции общечеловеческих нравственных ценностей.